

ШУМ. Книга первая. Замок

КЛЮЧ

Максим Орлов

НИГА ПЕРВАЯ. ЗАМОК И КЛЮЧ

Максим Орлов

**ШУМ. Книга первая.
Замок и ключ**

«Автор»

2026

Орлов М. В.

ШУМ. Книга первая. Замок и ключ / М. В. Орлов — «Автор»,
2026

Империя сжигает колонии, чтобы двери оставались закрытыми. Но кто-то уже поёт им по эту сторону. Бастард Илья Громов — пилот, которого Империя списывает в расходный материал: эфирная глухота, считавшаяся уродством, — единственное, что оставляет его в рассудке, когда Шум шепчет остальным. На стерилизованном Эридане-9, среди поющих кристаллов и сплавившихся машин, он находит Тасю — каторжную девочку с обритой головой и клеймом, «ключ» с чистотой девяносто девять процентов, за которой охотятся три силы: Инквизиция, Совет Двенадцати и серые аналитики Девятого управления, открывающие двери пеплом детей. Илья — «замок». Тася — «ключ». За дверью — унисон, укравший их колыбельную, и мать, двадцать лет державшая дверь с той стороны. Цена открытия выведена на детском теле: седая прядь, кристаллическая метка, срок. Космоопера о песне, открывающей двери, и о людях, закрывающих их звуками дома: ржавчина и пурпур, самовар в часовне князя, пёс, стерегущий буксир, и тишина между песнями

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Падение в утробу Шума	5
Глава 2. Поющая штольня	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Максим Орлов

ШУМ. Книга первая. Замок и ключ

Глава 1. Падение в утробу Шума

Когда «Ермак» вошёл в плотные слои атмосферы Эридана-9 и защитные поля начали сгорать слой за слоем с визгом раненого зверя, Илья Громов считал вслух собственные сердцебиения, в такт толчкам, потому что только внешний счёт ещё удерживал его в сознании, а бортовой полуинтеллект Касьян, голос которого был синтезирован из записанных интонаций какого-то давно умершего старого бригадира, монотонно перечислял потери сквозь вой рвущейся обшивки: «Внешние сенсоры — сорок процентов, термошиты — шестьдесят, нервы, барин, ваши, и я не советую вам их тратить».

Кабина пахла раскалённым металлом, озоном и собственным потом, и в этом запахе вдруг проступил, сквозь какую-то проклятую память крови, другой, полустёртый — запах трюма «Галахада», где мать кашляла в рваную тряпицу над его головой и шептала, что Громов никогда не будет рабом, даже если его заклеямили бастардом, и где он, семилетний, впервые понял, что Империя видит в людях лишь цифры грузового манифеста, а в бастардах не видит даже цифр.

Голоэкран, наполовину ослепший от помех, ещё показывал ему посадочную платформу космопорта, где под видом спасательной партии уже разворачивались в огневую дугу «Витязи» мятежного гарнизона, и Илья, научившийся в штрафных эскадронах читать засаду по едва заметным бликам на стволах и по слишком правильным интервалам между фигурами, почувствовал не страх, а холодное, почти ремесленническое удовольствие охотника, который узнал расставленный на него капкан и решил использовать его против капканщика.

— Касьян, считай траекторию в вентиляционную шахту северного комплекса, — произнёс он, стискивая рычаги управления так, что захрустели суставы пальцев, и полуинтеллект, помолчав ровно секунду, пока процессоры взвешивали безумие против долга, ответил голосом старого бригадира: «Вероятность пережить удар — одиннадцать процентов, барин; вероятность пережить платформу — ноль; фиксирую выбор умного человека», — и, помолчав ещё полсекунды, добавил в вахтенный журнал пометку, которую Илья увидел только после посадки: «Барин сошёл с ума изящно; прошу учесть при начислении пенсии».

Развернув тридцатитонную машину резким, выверенным движением, пилот почувствовал, как порода глотает «Ермак», и рёв плазменных залпов, бьющих в пустое небо над платформой, остался где-то наверху, а внизу были только визг рвущихся щитов, хруст собственных зубов и счёт Касьяна, оборвавшийся на середине числа, когда ядро полуинтеллекта, отдавшее всю мощность посадочным калькуляторам, сгорело с тихим, почти человеческим вздохом.

Высоко над планетой, в полумраке флагманского мостика орбитальной крепости «Серафим», чьё километровое тело пряталось под бронёй двойного корпуса, откованного на верфях Митридата, князь-инквизитор Святослав Вяземский выслушал доклад флаг-капитана об исчезновении маркера бастарда Громова с тактических экранов и не обернулся, потому что смотрел на другой экран — тот, на котором биосфера колонии медленно наливалась пурпуром, как наливается кровоподтёк на теле умирающего.

С орбиты Эридан-9 выглядел как ржавая монета: рыжие, выжженные равнины, перечёркнутые чёрными зазубринами карьеров, и только на полюсах блестели белые шапки льда, а в сумеречной полосе между днём и ночью горели огни колонии — тёплые, жёлтые, живые, и именно по этой полосе теперь расплзался пурпур, как расплзается кровоподтёк по живой коже.

В этом пурпуре его память, отгоняемая молитвами и бессонницей, снова принесла багровый свет изоляционной камеры лазарета на Проксиме Центавра, где старший сын Ярополк, чей блестящий разум был пожран эфирной песней Предтеч, попросил в последнем проблеске ясности: «Отец, не дай ему допеть», — и тогда рука князя не дрогнула, и лишь потом, в пустой часовне крепости, старый человек научился дрожать, воя в кулак, чтобы не разбудить команду.

Голограмма князя Одоевского, развёрнутая над консолью связи с лазурной зернистостью, свойственной защищённым каналам Совета Двенадцати — тех самых двенадцати великих домов, что правили Империей де-факто все три года, пока Император не покидал своих покоев, — сухо напомнила, что стерилизация Эридана-9 утверждена одиннадцатью голосами из двенадцати, но Святослав, переживший трёх председателей этого Совета, ответил, не глядя на мерцающий фантом: «Стержни упадут под мою ответственность, и под мою же душу лягут», — и приложил перстень с гербом дома к консоли залпа, о третьем выстреле которого, приостановленном вопреки всем регламентам, он вспомнит позже, когда увидит на биосканере то, что пропустили аналитики Совета.

Молодой сигнальщик Митя, весь доклад, просидевший с задержанным дыханием, когда князь вышел, выдохнул и шепнул боцману: «Если нас стерилизуют, то хоть бы сначала покормили», — и боцман Прохор, не поднимая глаз от консоли, ответил: «Покормят. Потом», — и мостик тихо засмеялся, тем смехом, которым смеются люди, давно и прочно боящиеся.

За час до спуска, в офицерской столовой, повариха Харитина — женщина с руками, как судовые тросы, и голосом, которым можно было останавливать погрузку, — поставила перед князем тарелку гречневой каши с тушёнкой и строго сказала: «Ешь, князь. Худые мужчины хороши только в сказках, а на войне их сдувает первыми», — и Святослав, к изумлению адъютантов, подчинился и съел три ложки, потому что Харитина кормила эту крепость ещё до того, как он стал князем, и отказать ей было опаснее, чем отказать Совету.

Удар швырнул Илью на привязные ремни с такой силой, что мир вспыхнул белым, и когда белизна отступила, сменившись багровым светом аварийных ламп, он отстегнул пряжки непослушными пальцами, выломал перекошенный люк и выбрался из брюха «Ермака» в душный коридор нижних уровней, где воздух был густым, как перед грозой, и пах озоном и запёкшейся кровью.

Илья Громов был высок и худ до жилистости, с лицом, которое штрафные эскадроны стачивают раньше времени — узкие скулы, тяжёлый подбородок, глаза серые, как зола остывшего реактора, и коротко стриженные тёмные волосы, в которых на висках уже проступала ранняя седина не от возраста, а от перегрузок; его скафандр, старый, латаный-перелатанный, пах потом и оружейной смазкой, а на груди, поверх брони, висел на потёртом шнурке единственный личный предмет — гладкий камешек с Эридана, который мать сунула ему в ладонь в трюме «Галахада» со словами «чтобы помнил, откуда ты», и камень за двадцать лет стал тёплым, как часть тела.

Пространство вокруг казалось вывернутым наизнанку, словно неведомый скульптор взял коридор и смял его в кулаке: титановые переборки изгибались под углами, нарушавшими законы сопромата, пучки кабелей свисали, как внутренности выпотрошенного кита, а на чудом уцелевшей стене сохранился детский рисунок — солнце, дом, человечки за руки, — и именно этот рисунок, проткнутый единственной кристаллической друзой, выросшей изнутри металла, ударил Илью сильнее всех прочих ужасов этого места, потому что дети не ошибаются в том, где жизнь, а где смерть.

Радио скафандра молчало на всех частотах гарнизона, и лишь на аварийном канале одинокий автоматический маяк повторял позывной колонии «Эридан-девять-Кудеяр» с механической нежностью, которая была страшнее любого крика, и эта нежность в голосе машины, за которой никто так и не пришёл, заставила Илью скрипнуть зубами и резко проверить поясные подсумки — привычка, вбитая дедом Трофимом навсегда.

Он прикрыл глаза на секунду и сразу услышал голос деда Трофима, старого безродного механика, вырастившего его после «Галахада» и учившего определять состояние реактора по дрожи пола, а состояние человека — по дрожи рук, и ещё повторявшего, тыча пальцем в мальчишеский шлем: «Пустоту слушать можно минуту, парень, а на второй минуте она начинает слушать тебя», — и теперь, чувствуя, как сладковатое пение кристаллов начинает просачиваться в мысли, Илья принялся считать шаги вслух, сбивая мелодию грубыми числами шахтёрской меры.

Ритмичная дрожь пола под сапогами, которую он читал с мастерством, унаследованном от Трофима, говорила, что навстречу ему из глубины коридора движется тридцатитонная машина, но поступь у этой машины была неправильная: не ровный шаг сервоприводов, а волочащееся, прихрамывающее шарканье, словно сталь разучилась помнить собственную анатомию, и когда из полумрака, скрежеща покореженными сочленениями, выплыл закованный в позолоченную броню «Витязь» княжеской гвардии, Илья понял, что гвардеец внутри давно перестал быть гвардейцем.

В раскрытом кокпите машины, вместо пилота, колыхалась сплавившаяся с интерфейсами масса плоти, обросшая нейрокабелями, как корнями, и масса эта шептала что-то на мёртвом языке Зодчих, и от этого шёпота, который переводчики скафандра отказались даже распознать как речь, кожа на руках Ильи стянулась, как перед ливнем, а кристаллические наросты на броне «Витязя» вспыхивали в такт слогам тусклым пурпурным светом.

Не тратя бронебойных на лобовую плиту, которая, согласно мануалам, держала прямое попадание плазменной пушки среднего калибра, Илья дал короткую очередь по левому сочленению, больше чтобы проверить, чем убить, и «Витязь», вместо положенного уставом отката повреждённой машины, вдруг сложил ногу немыслимым для сервоприводов образом, уклоняясь, как живое существо, и ответил плазменным залпом, от которого Громова швырнуло за грудку сорванных переборок волной жара, оплавившей краску на его наплечных пластинах.

Перекатываясь за грудой, он вспомнил одноглазого полковника Радько из академии, который тыкал указкой в схемы аристократских машин и хрипел: «Машины молодых хозяев видят мир только спереди, как и их владельцы, потому заходите им за спину, парни, и увидите, как кончается спесь», — и, пустив в сопла последний заряд реактивного ранца, Илья метнулся через плечо «Витязя» коротким, удушливым импульсом, чувствуя, как перегретая спинная пластина прожигает поддёвку.

Виснув секунду на спине машины, он увидел то, что было нужно, — основные магистрали охлаждающей жидкости, проложенные вдоль хребта с той спесью инженеров, которые не допускали и мысли, что кому-то удастся зайти аристократу за спину, — и всадил бронебойный заряд прямо в сочленение труб, после чего сразу ушёл в перекаат вниз, потому что взрыв рвущегося под колоссальным давлением хладагента сбил с ног даже его, хотя он и находился в мёртвой зоне.

«Витязь» корчился в агонии, круша переборки золочёными кулаками и вырывая кабели и трубы, пока пурпурный свет на его броне не погас вместе с последним зарядом вплавленного сердца, и в наступившей вдруг тишине, наполненной лишь звоном в ушах и шипением пара, Илья внезапно услышал не грохот боя, а тот самый Шум — тихий, вкрадчивый, материнский голос, предлагавший ему не борьбу, а абсолютный покой и слияние с бесконечностью.

Он бы послушался, он бы растворился в этом тепле, если бы не застарелая, выстраданная годами унижений ненависть к Империи, посмевавшей превратить его жизнь в расходный материал, и если бы не память о матери, кашлявшей в рваную тряпицу, и именно эта ненависть, эта память выволокли его обратно в тело, заставили упасть на колени и выронить разряженный ускоритель из одревеневших пальцев, и прижаться лбом к холодной решётке пола, в то время как наверху, в толще породы, уже гудели далёким нарастающим гулом заряжающиеся конденсаторы орбитальной крепости.

Интерлюдия I. Гончая

Десантная капсула Чёрной Сотни падала к Эридану молча, без вибрации и без огней, потому что опричники не любят, когда планета заранее видит, кто к ней летит, и десятник Еремей, прижатый ремнями к холодной спинке, смотрел не на приборы, а на вожака, который сидел без шлема абордажного скафа, в одной маске из полированного серебра, и не двигался всю дорогу, как не двигаются вещи, которым нечего бояться.

Маски Чёрной Сотни были серебряными не для красоты и не для страха, а по уставу, который писался кровью первых опричников: серебро не запоминает отражений, и лицо под такой маской не запоминает того, что увидело, и потому опричники, снимая маски после работы, оставались людьми, а не архивами чужих смертей. Молодой опричник у борта, не выдержав тишины, шепнул Еремею, правда ли, что вожаку не нужен маяк трекера, и Еремей, не разжимая губ, ответил: «Он сам маяк».

Только не стой на его свете», — и молодой понял шутку слишком поздно, потому что в капсуле никто не засмеялся.

Когда капсула села и люк открылся в пыль разрушенного плато, вожак первым вышел наружу и вдруг остановился, склонив голову влево, и Еремей, знавший эту повадку по трём кампаниям, почувствовал, как под маской холодеет затылок: вожак слушал то, чего не было слышно, и из прорези восьмиконечной звезды впервые за всю службу Еремея сочился не багровый, а тихий пурпурный свет.

«Слышу», — сказал вожак голосом, в котором опричники впервые слышали не приказ и не доклад, а что-то похожее на голод, и шагнул в пыль, и Сотня без слов двинулась за ним, и Еремей, идя следом, думал, что гончая взяла след раньше, чем зверь оставил отпечаток, и что это плохая примета для всех, кроме вожака.

Глава 2. Поющая штольня

Поднимаясь с коленей и отряхивая пыль пополам с крошкой расколотых кристаллов, Илья первым делом проверил поясные подсумки, где, к его сдержанной радости, обнаружились два запасных магазина к ускорителю, и, подобрав оброненное оружие, передёрнул затвор привычным движением, потому что привычку пересчитывать боеприпасы раньше, чем воду и еду, привил ему дед Трофим, говаривавший, что в пустоте нет валюты дороже патрона, а человек с пустым магазином — уже покойник, просто ещё ходячий.

Затем он замер, прислушиваясь, и сквозь трещины сорванной брони его чуткое ухо уловило далёкий, нарастающий гул заряжающихся конденсаторов орбитальной крепости, и с холодной ясностью пилот понял, что Инквизиция начала процедуру кинетической стерилизации, а значит, в его распоряжении оставалось от силы пятнадцать минут до того часа, когда вольфрамовые стержни, которые расчёты непочтительно именовали «кольями», превратят вентиляционный комплекс в стеклянную могилу.

Любой здравомыслящий человек на его месте рванул бы наверх, к аварийным люкам, однако Громов, вся жизнь которого была цепочкой решений, именовавшихся окружающими безумием, развернулся в противоположную сторону — вниз, к глубинным отметкам шахты, откуда сквозь вибрацию пола доносилось тихое, многоголосое пение, не то, которое нашёптывал Шум, а живое, человеческое, и оттого ещё более страшное, чем любая изуродованная Зодчими машина.

Спускаясь по перекрученной винтовой лестнице мимо стен, всё гуще зараставших кристаллическими друзьями, он узнал в этой многоголосой слитности интонации материнной колыбельной, старой шахтёрской «Колыбели пустоты», которую она пела в трюме «Галахада» над его головой, заглушая рёв двигателей, и узнавание было настолько острым, настолько телесным, что он на мгновение остановился, вцепившись в перила, чувствуя, как в груди что-то давно заледеневшее треснуло и зануло.

Внизу, в каверне выработки номер семь, которую шахтёры звали «Кудеяром» по имени сказочного разбойника, его взгляду открылась невозможная картина: несколько сотен колонистов, от инженеров в комбинезонах до старух в рванине, стояли концентрическими кругами вокруг чёрного бурового ствола, из которого поднималось бледное свечение, и голоса их, сплетённые в единое дыхание, принадлежали им лишь отчасти, потому что лица некоторых певцов покрывала тонкая кристаллическая корка, похожая на лёд первой осенней лужи.

Слитность тянула его не ушами, а вибрацией пола, рёбер, зубов, и Илья, которого эфирная глухота спасала от прямого голоса бездны, ощущал эту тягу сладкой дремотой в конечностях, и потому, вспомнив завет деда Трофима о том, что пустоту нельзя слушать дольше минуты, принялся считать шаги вслух, сбивая колыбельную грубыми числами шахтёрской меры.

В наружном круге, ближе прочих к выходу, стояла девочка лет десяти, тощая, с обритой головой и клеймом каторжного номера на запястье, каковым Империя помечала тех, кого не считала людьми, и именно она, почувствовав чужой взгляд, обернулась к Илье.

Тася была не просто тощей девочкой с обритой головой: её колени были в старых, побелевших шрамах от барачных драк за место у кормушки, на левой руке выше клейма тянулся тонкий ожог от раскалённой трубы котельной, где она работала с шести лет, а большие тёмные глаза смотрели из-под ресниц, слипшихся от пыли, с той спокойной внимательностью ребёнка, который давно усвоил, что взрослые сначала бьют, а потом спрашивают, и единственное, что в ней было по-детски незащищённым, — это уши, чуть оттопыренные и розовые от холода шахты.

Он не имел права отвечать на эту мольбу, потому что привязанность в пустоте — это петля, и сам он когда-то был таким ребёнком, стоявшим у края трюма, к которому никто не протянул руки, и именно поэтому — только поэтому, как он будет позже уверять себя, матеря собственную мягкость, считавшуюся выжженной в штрафных эскадронах, — он рванулся к девочке и, схватив её за плечо, выдернул из круга, мгновенно отозвавшегося на вторжение диссонансом, заставившим кристаллы осыпаться со стен со звоном, с каким осыпается в ведро колотый лёд.

Девочка, которую звали Тасей, не сопротивлялась, лишь шептала на бегу, что «они теперь сердятся», и это детское «они», означавшее не людей, а сам Шум, заставляло Громова невольно ёжиться, а когда уже на бегу к служебному штреку, развилку которого он запомнил по старой схеме колонии ещё во время снижения «Ермака», он увидел на её подбородке тёмную струйку крови из носа, то понял, что ребёнок платит собственной кровью за каждую минуту соприкосновения с бездной, и эта цена, которую платит каждый резонатор, показалась ему несправедливее всех цен, которые он видел в пустоте.

Уже на бегу Тася, переведя дух, сказала с одобрением: «Ты бегаешь, как шахтёр», — и на вопрос Ильи, похвала ли это, ответила с полной серьёзностью: «В бараке это была высшая похвала», — и Илья, сам не заметив как, ответил: «Спасибо», — и это было первое «спасибо», которое он сказал ребёнку за всю свою взрослую жизнь.

В служебном штреке, забившись в нишу за ржавым трансформатором, Илья достал из подсумка половину галеты и флягу с тёплой, пахнущей железом водой, разломил галету пополам и протянул Тасе большую часть, потому что так учил дед Трофим — «девчонкам и раненым всегда большая половина, даже если ты сам голоден как волк», — и Тася, откусив, вдруг сказала с набитым ртом: «В бараке за такую галету дрались до крови», — и Илья, жуя свою меньшую половину, ответил: «Значит, я только что проиграл тебе в драке», — и девочка рассмеялась крошками на подбородок, и этот смех в тёмном штреке был теплее любого аварийного светильника.

Высоко над планетой, на флагманском мостике «Серафима», второй стержень, уже сошедший с направляющих и летевший к Эридану-9 со скоростью семи километров в секунду, остановить было невозможно по воле самой физики, и флаг-капитан, стоявший с осанкой человека, мысленно уже похоронившего колонию, доложил о готовности третьего залпа, однако князь Вяземский, нарушая протокол стерилизации, утверждённый Советом Двенадцати, внезапно приказал приостановить его, объясняя изумлённому офицеру это необходимостью подтвердить поражение основных целей, но в действительности не в силах отвести взгляда от биосканера.

На экране сканера рядом с сигнатурой бастарда Громова вспыхнул новый маркер — ребёнок с резонансным профилем чистотой девяносто девять процентов, и Святослав, видевший за свою жизнь лишь одну подобную спектрограмму, в медицинской книге старшего сына Ярополка, почувствовал, как старый шрам на душе, тщательно прижжённый службой и молитвами, треснул и закровил, словно рана, которой касаются нечаянной памятью.

Двадцать лет назад первого ключа судьбу решил не он, а Совет: мальчика забрали из рук отца серые аналитики, обещавшие спасение, и вернули через три месяца в изоляционной камере лазарета на Проксиме Центавра, где блестящий разум наследника был пожран эфирной песней Предтеч, и лишь в последнем проблеске ясности сквозь стоголосый хор прорвался собственный голос сына: «Отец, не дай ему допеть», — и тогда рука князя не дрогнула, и лишь потом, в пустой часовне крепости, старый человек научился дрожать.

Голограмма князя Одоевского, развёрнутая над консолью связи с лазерной зернистостью защищённых каналов Совета, потребовала взять ребёнка живым и завершить стерилизацию сразу после извлечения, напоминая инквизитору, что милосердие в вопросах Шума — это опухоль, пожирающая целые звёздные системы, но Святослав, глядя не на голограмму, а на

маркер девочки, тихо ответил, что стержни всё равно упадут, однако сперва в шахту спустятся опричники Чёрной Сотни и заберут ребёнка, и не добавил — не мог добавить — что не позволит Совету получить второй ключ, потеряв первый по собственной слабости, и что Чёрная Сотня будет докладывать ему, а не серым аналитикам.

Десантные капсулы Чёрной Сотни — личной гвардии князя, которую даже ветераны Инквизиции боялись называть вслух, — цвета вымороженной пустоты, уже вспороли верхние слои атмосферы, и опричники, чьи лица скрывали маски из полированного серебра, в молчании проверяли маяки трекеров, а во главе цепи сидел личный княжеский палач, человек без имени, которому маяк был не нужен вовсе, потому что он слышал резонанс ребёнка собственной выжженной душой, как мёртвый зуб чувствует холод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.